

18+

МОЯ МАРЛЕН

ИСТОРИЯ О ЛЕГЕНДЕ
КИНО И СЦЕНЫ

ВАЛЕРИЯ V. МИЛЛЕР

публицист и исследователь
культуры XX века и закрытых историй

Валерия Миллер

**Моя Марлен: История
о легенде кино и сцены**

«Издательские решения»

Миллер В. V.

Моя Марлен: История о легенде кино и сцены / В. V. Миллер —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. История о Марлен Дитрих, легенде кино и сцены.
Это документальное повествование о ее жизни, выборе и мифе, созданном
Голливудом.

© Миллер В. V.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА: Йозефина	6
ГЛАВА: Веймарская ссылка	21
ГЛАВА: Берлин. Театр как новая религия	24
ГЛАВА: Голубой ангел	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Моя Марлен: История о легенде кино и сцены

Валерия V. Миллер

Дизайнер обложки Валерия Миллер

Иллюстратор Валерия Миллер

© Валерия V. Миллер, 2026

© Валерия Миллер, дизайн обложки, 2026

© Валерия Миллер, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-7182-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА: Йозефина

Вильгельмина Элизабет Йозефина Фельзинг была именно той молодой женщиной, о которой мечтали все приличные немецкие родители конца XIX века. Послушная. Воспитанная. Добропорядочная. И настолько ответственная, что, кажется, могла испытывать чувство вины даже за плохую погоду. Красавицей её не называли, но и жаловаться было не на что. Она была миловидной, умной и обладала тем редким качеством, которое особенно ценилось в те времена: умением не доставлять окружающим лишних хлопот. Иногда в её карих глазах вспыхивали озорные искорки. Но появлялись они ненадолго, долг обычно побеждал быстрее. Йозефина принадлежала к поколению женщин, которым не приходилось ломать голову над вопросом: «Кем я хочу стать?» За неё всё уже было решено. Хорошая дочь должна стать хорошей женой. Хорошая жена должна стать хорошей матерью. А хорошая мать должна делать всё это так, чтобы никто не заметил, сколько усилий на это уходит. В итоге, к двадцати одному году Йозефина была подготовлена к браку лучше, чем современный пилот к управлению самолётом. Она умела следить за домом, проверять кладовые, составлять меню, контролировать прислугу, следить за скатертями, серебром, шторами. За всем, что можно было постирать, выгладить, отполировать или пересчитать. И, разумеется, предполагалось, что после этого у неё ещё останутся силы рожать наследников. Так выглядела программа подготовки идеальной жены. И Йозефина освоила её на отлично. Казалось, её будущее уже расписано по пунктам. Оставалось лишь дожидаться подходящего мужа. И вот однажды на пороге появился Луис Дитрих. Высокий. Красивый. настолько красивый, что все тщательно усвоенные правила поведения вдруг дали сбой. Йозефина стояла рядом с матерью, как и полагалось воспитанной девушке она должна была сделать реверанс, скромно опустить глаза и продемонстрировать хорошие манеры. В общем, выполнить всю программу. Но тут возникла проблема. Жених оказался слишком красив. Йозефина посмотрела на него. Потом ещё раз посмотрела. И совершенно забыла вовремя отвести взгляд. Можно сказать, что любовь с первого взгляда в тот день одержала сокрушительную победу над многолетним немецким воспитанием. А это, надо признать, было достижение почти исторического масштаба.

— Фройляйн Фельзинг...

Луис произнёс это тихо, склонился к её руке и поцеловал её с таким видом, будто всю жизнь только этим и занимался. Для Йозефины мир немедленно остановился. Часы могли продолжать тикать. Трамваи — ездить. Берлин — шуметь. Но лично для неё время решило взять выходной. Она влюбилась. Мгновенно. Безрассудно. Без малейшей консультации с разумом. Это была та самая любовь, которая не спрашивает разрешения и потом десятилетиями отказывается съезжать из сердца.

Свадьбу сыграли зимой 1898 года. Йозефина выглядела именно так, как должна была выглядеть образцовая невеста того времени: белое кружево, фата, кашемировая накидка и выражение лица человека, который твёрдо намерен быть идеальной женой. Луис же выглядел так, словно пришёл не на свадьбу, а сниматься для рекламы имперской полиции. Форма сидела безупречно. Золото блестело. Усы, вероятно, тоже. Глядя на них, можно было подумать, что впереди их ждёт долгая счастливая жизнь. Ну, или по крайней мере один из них так думал.

Молодожёны поселились в Шёнеберге — уютном пригороде Берлина, где всё выглядело настолько аккуратно, что казалось нарисованным. Новые электрические фонари. Чистые улицы. Красивые дома. Трамваи, транспорт который наконец перестал зависть от настроения лошадей. Будущее наступало уверенной походкой. Йозефина немедленно приступила к строительству семейного счастья. Она проверяла шкафы. Следила за порядком. Организовывала

хозяйство. Она полировала бы воздух, если бы это входило в список обязанностей хорошей жены. Луис наблюдал за этим с умилением. Ему нравилась эта серьёзная молодая женщина, которая искренне считала, что семейная жизнь строится на любви, заботе и аккуратно сложенных скатертях.

Когда родилась первая дочь, акушерка торжественно сообщила новость. Луис выслушал. Кивнул. Пожал плечами. И приказал подать лошадь. В его представлении мужская часть проекта была успешно завершена. Дочь, это конечно, не то что он хотел но и трагедии особой не случилось. Наследство всё равно никому не светило. Зато Луис начал скучать. А скучающий Луис был стихийным бедствием местного масштаба. Он быстро пришёл к выводу, что семейная жизнь стала слишком семейной. Особенно после того, как Йозефина полностью посвятила себя ребёнку. Тогда в его голове родилась идея, достойная отдельной премии за мужскую нелогичность. Он решил, что кормящая мать и романтическая возлюбленная — это два разных человека. В результате дверь между спальнями однажды оказалась закрыта. Но Йозефина продолжала любить его, а Луис продолжал оставаться Луисом. Некоторые браки начинаются как сказка. А потом выясняется, что один из героев читает совсем другую книгу.

Первую дочь Йозефина назвала Элизабет. Девочка получилась на редкость удобной. Тихая. Послушная. Не требующая лишнего внимания. Из тех детей, которые, кажется, сначала извиняются за беспокойство, а уже потом входят в комнату. Если бы маленькая Элизабет захотела закатить истерику, ей, вероятно, пришлось бы заранее записаться на неё по расписанию. Она старалась всем угодить. Никому не мешать. Не создавать проблем. Словом, обладала всеми качествами, которые взрослые обычно называют «золотым ребёнком», пока не начинают задумываться, почему этот ребёнок никогда ничего не просит для себя. Йозефина конечно любила дочь. Но её сердце в те годы было занято ещё одним человеком. Тем самым, который появлялся дома поздно вечером и заставлял весь дом оживать одним поворотом ключа в замке. День за днём Йозефина управляла хозяйством с точностью хорошего военного штаба. Следила за порядком. Готовила. Стирала. Воспитывала ребёнка. Решала сотни мелких дел. Но настоящим событием суток оставался знакомый звук входной двери. Иногда кажется, что любовь — это стихи, цветы и серенады. На самом деле любовь часто выглядит как женщина, которая весь вечер прислушивается, не повернулся ли наконец ключ в замке. И когда долгожданный скрежет наконец раздавался, день можно было считать удавшимся. Даже если всё остальное шло совсем не так, как хотелось.

27 декабря 1901 года, На свет появилась девочка. И не просто девочка. Настоящий семейный шедевр. С золотистыми волосами, светлой кожей и такими ясными глазами, что родственники немедленно начали искать в младенце признаки великого будущего. Младенцы вообще обладают удивительной способностью выглядеть в глазах семьи либо будущими гениями, либо

будущими императорами. Этот ребёнок, по мнению Йозефины, вполне тянул на оба варианта сразу. Любовь пришла мгновенно. Следом пришёл страх. Причём значительно более организованный. Если любовь тихо поселилась в сердце, то страх въехал туда с чемоданами и сразу оформил постоянную прописку. Йозефина обожала мужа. Но знала его слишком хорошо. Поэтому, любуясь дочерью, она невольно думала:

«Только бы характером не в папочку...»

Красота отца — пожалуйста. Обаяние — сколько угодно. Но некоторые его жизненные привычки лучше было оставить в предыдущем поколении. Так появилась Мария Магдалина Дитрих. Будущая Марлен. Хотя никто тогда ещё не подозревал, сколько хлопот однажды доставит миру этот ангелочек.

За следующие несколько лет Йозефина сильно изменилась. Любовные иллюзии имеют неприятную особенность: они изнашиваются быстрее свадебных платьев. К двадцати девяти годам она уже смотрела на жизнь взглядом человека, который слишком многое понял и теперь не видит причин улыбаться без необходимости. Исчезла романтическая наивность. Зато появились порядок, дисциплина и железная уверенность, что если всё не контролировать лично, человечество немедленно скатится в хаос.

Со стороны Йозефина напоминала скорее строгого министра внутренних дел, чем молодую хозяйку дома. Она управляла семьёй так же, как хороший генерал управляет гарнизоном. По расписанию.

Без лишних эмоций. И желательно без возражений. Дочери её побаивались. Но в прусских семьях того времени это считалось не недостатком воспитания, а его блестящим результатом. Ребёнок, который не боялся родителей, вызывал подозрение. Родители, которых не боялись дети, — ещё большее. Поэтому две маленькие девочки росли в полной уверенности, что мама знает всё. Видит всё. И каким-то образом узнаёт о шалостях ещё до того, как они произошли. Что, если честно, было недалеко от истины. Особенно когда речь шла о Йозефине.

Старшая сестра Марлен, Элизабет, или просто Лизель, была ребёнком удивительно удобным. Таких детей родители обычно вспоминают с умилением и лёгким чувством вины. Она была умной, тихой и совершенно не умела требовать внимания к собственной персоне. Если любовь случайно падала со стола семейного счастья крошками, Лизель бережно собирала каждую. Читать она научилась сама, ещё до того, как большинство детей начинают всерьёз интересоваться буквами. Поэтому, пока младшая сестра занималась более важными делами — например, командовала окружающими, — Лизель пряталась на чердаке среди книг и жила сразу в нескольких вымышленных мирах. Сестру она обожала. Причём совершенно искренне. Лизель принадлежала к редкому виду людей, которые не умеют завидовать. Она прекрасно понимала, что красавицей в семье назначили не её. Но приняла этот факт философски. Кому-то достаются золотые локоны и восхищённые взгляды. Кому-то — здравый смысл. Жизнь вообще любит странно распределять подарки. А вот маленькая Мария Магдалина, которую дома называли Линой, с ранних лет была уверена в одном: она — особенная. Не потому что ей кто-то это объяснил. Она просто знала. Так же, как другие дети знают, что снег холодный, а конфеты вкусные. Лина была убеждена, что красивые вещи созданы исключительно для того, чтобы радовать её. Цветы распускались для неё. Музыка звучала для неё. Закаты тоже старались исключительно ради неё. Вслух такие мысли лучше было не произносить. Мутти могла быстро объяснить, что скромность — это не болезнь и от неё ещё никто не пострадал. Поэтому своими королевскими убеждениями Лина делилась только с Лизель. И та охотно соглашалась. Более того, добровольно выполняла обязанности придворной дамы. Она убирала игрушки. Заправляла

постель. Собирала разбросанные вещи. А Лина великодушно позволяла ей это делать. В конце концов, если человеку нравится помогать, зачем лишать его удовольствия? Единственное, что раздражало Лину, — это домашнее прозвище. Когда Лизель называла её «киской», будущая Марлен Дитрих испытывала почти аристократическое возмущение. Во-первых, это звучало слишком сюсюкающе. Во-вторых, кошек она не любила. Собак тоже. В доме животных не держали. И в этом вопросе Лина полностью поддерживала мать. Зачем заводить питомца, если он может оставить шерсть на красивой мебели? Зато отца она обожала. Фати был гораздо удобнее Мутти. Он редко читал нотации. Для нравоучений в семье существовал специальный человек — Йозефина. Луис же предпочитал более приятные занятия. Например, нанимать гувернанток. Причём к кандидаткам предъявлялись весьма серьёзные требования. Они должны были прекрасно знать языки. И быть красивыми. Особенно второе. Луис считал, что образование лучше усваивается в приятной компании. Лизель больше любила английский. А Лина выбрала французский. Не потому, что он был полезнее. Просто на французском даже обычная просьба передать хлеб звучала как начало великой любовной истории. А романтика, как быстро выяснилось, нравилась ей гораздо больше грамматики.

В 1912 году, на Пасху, тётушка Валли решила, что миру не помешает немного семейной диверсии, и тайком вручила Лине подарок. Маленький дневник. Красный. В кожаном переплёте, который выглядел так, будто внутри должны храниться государственные тайны или хотя бы очень хорошие сплетни. С золотым тиснением — чтобы сразу было понятно: вещь серьёзная.

— Пиши туда свои чувства, — прошептала тётушка с видом заговорщика. — Ты уже в том возрасте, когда чувства начинают вести себя без спроса. И вообще... каждому приличному человеку нужен тайный свидетель.

Под «тайным свидетелем», конечно, имелся в виду дневник. Лина посмотрела на подарок так, будто ей только что выдали ключ от личной жизни без цензуры. И назвала его Ред. Потому что «дневник» — это скучно. А «Ред» звучит как человек, который не сдаст тебя даже под пытками. С этого момента началось самое опасное хобби в её детстве — думать и записывать это. Ред терпел всё: кто раздражает, кто откровенно бесит, кто смешно одевается, кто, по её мнению, вообще зря считает себя взрослым. Иногда там попадались приличные фразы — из серии «я была очень хорошей девочкой». Но это было скорее для баланса. Настоящая жизнь Реди начиналась тогда, когда появлялся берлинский уличный язык — резкий, насмешливый, слегка ядовитый. Откуда он взялся у девочки из «правильного дома», никто толком не понимал. Но он сидел в ней уверенно. И явно не собирался уходить. Стоило Лине рассердиться — и в дневнике появлялся маленький уличный комментатор с очень острым языком. Стоило ей мечтать — и тот же комментатор внезапно становился почти опасно честным. И именно в десять с половиной лет стало ясно: эта девочка не просто пишет дневник. Она уже тренирует голос, которым однажды будет разговаривать с миром. И мир, как выяснится позже, не всегда будет рад его слышать. Реди терпел всё, но главное были любовные переживания.

У Лины был особенный талант: превращать обычный день в событие международного значения. Её дневник начинался не с великих мыслей о судьбе человечества, а с того, что действительно волновало тринадцатилетнюю девочку: чувства, симпатии и маленькие победы сердца. После одной из поездок она записала всего несколько слов, но для неё они значили целую историю:

«Вчера было чудесно!»

Для взрослого человека это звучало бы как слишком короткий отчёт. Но Лина умела помещать целую драму в одно предложение. В этом «чудесно» были и дорога, и разговоры, и волнение, и тот самый момент, который потом вспоминают спустя годы. А ещё — очень важная деталь: она честно признавалась, что ей было приятно сидеть рядом с человеком, который ей нравился. Никаких сложных объяснений, никаких попыток выглядеть равнодушной. Тринадцатилетняя Лина ещё не знала главного правила взрослого мира: иногда люди делают вид, что им всё равно, именно потому, что им очень даже не всё равно. Через несколько месяцев дневник снова фиксировал важнейшее событие эпохи — каток.

«Я упала, и сразу целая толпа мальчиков бросилась меня поднимать».

Если бы Лина писала пресс-релиз, он, вероятно, звучал бы именно так: падение на льду превращается в триумфальное появление спасательной команды. Но в этом была вся она. Она замечала не только то, что произошло, но и то, как это заставило её почувствовать себя. Каток был не просто катком. Это была маленькая сцена, где каждый взгляд имел значение. Позже в дневнике появляется уже почти философское наблюдение:

«Все мужчины подлецы».

Но, как настоящий исследователь человеческой природы, Лина тут же делает поправку. Конечно, не все. Есть исключения. Всегда есть исключения — особенно если эти исключения кому-то нравятся. Её дневник вообще отличался удивительной справедливостью: сначала вынести общий приговор, а потом немедленно добавить список тех, кто в него почему-то не попал. Особенно забавно, что рядом с романтическими переживаниями всегда существовала обычная жизнь. Уроки скрипки, школа, новые классы, разговоры с подругами. Лина могла за несколько строк перейти от сердечных тайн к школьным заботам, потому что в тринадцать лет именно так и устроен мир: сегодня важнее всего один человек, а завтра — то, что сказала учительница. Но потом её дневник изменился. Пришла война. И впервые на страницах появились слова, которые были слишком взрослыми для девочки: ранения, госпитали, солдаты. Она всё ещё оставалась Линой — с её эмоциями, преувеличениями и привычкой превращать детали в события. Даже в тяжёлые времена она продолжала замечать жизнь вокруг себя. Она писала о тревоге и о надежде. О тех, кто уходил на фронт, и о тех, кто возвращался. О людях, которых любила. Война не уничтожила её детский взгляд на мир. Она просто добавила в него новые краски — более тёмные, но не менее живые.

Лина вдруг решила, что с именем у неё явно что-то не так. Не катастрофа, конечно, но и не уровень будущей легенды. Поэтому прямо на уроках, пока учительница с воодушевлением объясняла что-то, совершенно не связанное с настоящей жизнью, Лина занималась куда более важным делом. Она переименовывала себя. В тетрадке на последних страницах появлялись варианты — один драматичнее другого. Мари Магдалин — звучит красиво, если аккуратно отрезать лишние буквы, как ненужные эмоции. Луису повезло — его имя уже звучало почти по-французски. А ей что, нельзя? Быть легендой с буквой «Я» в конце имени Мария, было бы нелепо, как будто она навсегда записана в ведомость? Нет, это явно не план на жизнь. Лина выводила своё полное имя медленно, с уважением — всё-таки это официальная версия человека, который пока ещё не понял, кем станет. Но уже скучает по переменам. Потом начались эксперименты. Марилина. Марлина. Почти как персонаж, который уже сбежал из скучного дома и живёт где-то в другом сюжете. И вдруг мысль — резкая, как щелчок: а если убрать немецкую тяжесть и сделать его французским? Просто заменить последнюю букву. И всё. Легко. Marlene. Она попробовала написать ещё раз. MARLENE. И что-то внутри сразу

сказало: вот оно. Не «почти». Не «может быть». А имя, которое не спрашивает разрешения. **МАРЛЕН ДИТРИХ**. Она вывела его несколько раз подряд — как будто проверяла, не исчезнет ли оно, если на него долго смотреть. Но оно оставалось. Даже выглядело куда увереннее, чем она сама. Лина закрыла тетрадь. И впервые за долгое время почувствовала не просто удовлетворение, а странное ощущение — будто она уже немного опередила собственную жизнь. В тринадцать лет она ещё училась быть собой. Но имя уже знало, кем она станет.

К пятнадцати годам Лина уже поняла одну важную вещь: спокойная жизнь — это ужасно подозрительное состояние. Если в городе ничего не происходит, надо просто внимательно посмотреть вокруг. Скорее всего, где-то рядом найдётся мальчик, который опоздает на встречу, обидит, понравится или создаст любую другую причину для записи в дневник. 9 ноября 1916 года Лина отправилась на променад с чётким планом: встретить Фрица.

«Мне сказали, что Фриц будет там с шести. Мне, как обычно, везет!»

Надо признать: Лина умела страдать красиво. Человек просто не пришёл на прогулку, а у неё уже почти готова была трагедия в нескольких действиях. Но настоящая проблема была не в том, что Фриц не появился. Проблема была в том, что рядом всегда находились другие кандидаты на роль главного героя. Например, Герберт Хирш. О нём Лина пишет с характерной смесью раздражения и интереса. Он «довольно интересный», но при этом слишком настойчивый, слишком уверенный и вообще ведёт себя так, будто ему уже семнадцать, хотя ему всего четырнадцать. Это очень по-линински: человек ей явно интересен, но она всё равно обязана сначала сообщить список его недостатков. Будущая звезда уже тренировалась: восхищаться, но не слишком показывать. Особенно забавно, что Лина уже тогда прекрасно понимала силу маленького спектакля. Тётя подарила ей розы, а Лина решила представить их как подарок от поклонника. Просто маленький эксперимент. Ничего особенного. Обычная проверка мужского самодушия в домашних условиях. Эксперимент, правда, закончился не идеально: Герберт развернулся и уехал на велосипеде. Но Лина не растерялась. Вывод был простой: надо срочно написать ему и снова «разжечь его пыл». Потому что, как она объясняла самой себе, без поклонника в Дессау была бы «тоска зелёная». И вот тут перед нами появляется настоящая Лина. Ей нужен был не обязательно великий роман. Ей нужна была жизнь с немного большим количеством событий. Через месяц она уже возмущалась совсем другой проблемой: взрослые решили ограничить её свободу. Мальчики на променаде сдёрнули с неё шапку и приставали. Лина была недовольна мальчиками, но ещё больше — последствиями. Ей запретили гулять несколько дней подряд и велели ложиться спать без четверти девять.

«Это в пятнадцать-то лет?!»

В этой фразе слышится голос человека, которому сообщили не о времени сна, а почти о пожизненном заключении. Для Лины вечерняя прогулка была не просто прогулкой. Это была её личная территория независимости. Пока взрослые видели опасности, Лина видела обычную подростковую жизнь. А ещё она не могла понять Лизель — эту образцовую девочку, которая, по мнению Лины, слишком старательно изображала святую. У Лины вообще был талант находить повод для возмущения. Если кто-то был слишком правильным — это раздражало. Если кто-то был слишком свободным — это тоже могло раздражать. Главное, чтобы было о чём написать. Но потом появляется Фриц, и дневник внезапно переходит в режим «великая любовь».

«Я люблю его. Всем сердцем».

В пятнадцать лет это абсолютно нормальное состояние. Каждая первая любовь кажется последней, потому что человек ещё не знаком с понятием «следующая серия». Лина уверена, что Фриц смотрит на её окно именно ради неё. И, возможно, так и было. А возможно, он просто смотрел на окно. Но в подростковом возрасте разница между этими двумя вариантами совершенно несущественна. Главное — чтобы была история. Лина уже тогда понимала одну вещь: любовь — это не только человек. Это ещё и причёска, платье, ожидание встречи и возможность красиво переживать. А потом, конечно, случается катастрофа.

16 января: «Все кончено!».

Две секунды — и роман века закрыт. Причина? Фриц оказался недостаточно потрясён её чувствами. Но самое замечательное — как быстро Лина возвращает себе достоинство. Сначала она разбита. Потом сердится. Потом объявляет, что вообще-то она слишком хороша для такого человека. Надо сказать, это был очень полезный навык. Многие взрослые люди годами учатся восстанавливать самооценку после разочарований, а Лина уже в пятнадцать знала технологию: немного слёз, немного гнева — и корона снова на месте. Разумеется, Мутти всё это замечает. 4 февраля происходит семейное сражение. Мать считает, что дочь слишком интересуется мальчиками. Лина категорически не согласна. По её мнению, она не «помешана на мужчинах», а просто общается с людьми. И здесь Лина неожиданно звучит очень современно. Она не хочет, чтобы её интерес к окружающим превращали в проблему. Правда, со стороны всё выглядело немного смешно: девочка, которая ведёт подробный дневник о каждом интересном мальчике в округе, возмущается обвинением в излишнем интересе к мальчикам. А потом появляется Улле Бюлов.

«Я без ума от Улле Бюлова».

И снова начинается знакомая история. Он красив. Он необычный. Он «шикарный». Лина не просто замечает людей — она создаёт вокруг них атмосферу. Один мальчик становится загадочным, другой интересным, третий почти героем романа. Но самое важное: она делает то же самое с собственной жизнью. Она превращает обычные дни в сюжет. И, возможно, именно поэтому из неё потом получится Марлен Дитрих. Потому что ещё задолго до сцены, кино и знаменитости она уже умела делать главное: смотреть на мир так, будто он немного интереснее, чем есть на самом деле.

Весть о гибели Луиса в дом принесла тётушка Валли. Лицо её было бледным и неподвижным, словно она заранее подготовилась к этой роли. Она первой оказалась рядом с Йозефиной, приняла её в объятия и произнесла несколько привычных слов утешения, которые в такие моменты звучат скорее как ритуал, чем поддержка. Она помогла ей подняться в спальню, уложила в постель и укрыла тяжёлым одеялом. В её действиях чувствовалась уверенность человека, который знает, что шок сменится холодом, и к этому нужно подготовить тело так же, как и разум. После этого тётушка осталась в доме, ожидая возвращения детей. Лизель в ту ночь плакала до тех пор, пока не заснула, не выпуская из рук отцовскую карточку. Лина отказывалась принимать услышанное. Слова тётушки казались ей невозможными и неправильными. Она вежливо попрощалась и ушла к себе, не позволив себе слёз. Дочери офицеров не должны плакать.

За закрытой дверью Йозефина переживала своё горе в одиночестве. Когда она наконец вышла, на ней уже были вдовьи одежды. Они придавали её облику особую тяжесть, словно закрывая её от мира. Она собрала дочерей, аккуратно вплела им в косы чёрные ленты, заме-

нила элементы школьной формы траурными повязками и велела повесить чёрный креп на парадную дверь дома в Шёнеберге. Жизнь в доме изменилась сразу и окончательно. Война и смерть вошли в повседневность без предупреждения, как нечто неизбежное и привычное для той эпохи. Оставшись одна с двумя детьми и новой реальностью, Йозефина довольно быстро поняла неприятную вещь: вдовство — это не статус, а финансовая катастрофа с бюрократическим сопровождением. Вдовья пенсия выглядела красиво только на бумаге. В жизни на неё можно было разве что не умереть сразу. Дальше начиналась математика выживания. Дети растут. Обувь становится мала. Кожа для новой обуви — дефицит почти стратегический. Деньги — ещё более редкий ресурс. И где всё это брать в военное время, никто внятно не объяснил. Йозефина иногда с холодной рациональностью смотрела на старые сапоги Луиса и, вероятно, всерьёз прикидывала их экономический потенциал. Но даже у семейной смекалки есть предел.

Питание тем временем превращалось в отдельный жанр искусства — «как сделать вид, что это еда». Продуктовые карточки стали валютой важнее денег. Очереди — полноценным образом жизни. Йозефина проводила в них часы, иногда дни, с выражением человека, который не стоит в очереди, а участвует в национальном испытании на выносливость. К зиме 1916 года меню выглядело как шутка с плохим концом. Хлеб — с добавлением брюквы, репы и, возможно, оптимизма. Мясо — в виде костей, требухи и воспоминаний о лучших временах. Картофель исчез как класс. Молоко и сыр ушли в разряд легенд. Кофе, некогда священный утренний ритуал Берлина, теперь готовили из чего угодно, что хоть отдалённо напоминало зерно — орехи, корни, фантазию. Всё это гордо называлось одним словом: «эрзац». И это слово стало главным символом эпохи.

В рабочих кварталах женщины спасались коллективно: варили супы вскладчину, устраивали общие кухни, где за скромную сумму можно было получить тарелку жидкости, официально считающейся пищей. В богатых районах, однако, происходила параллельная реальность. Закрытые рестораны, где война существовала только как тема для разговоров. Фазаны, гуси сочные жаркие с корочкой, здесь явно не знали о дефиците. Овощи, шоколад, десерты и мороженое — как будто мир разделился не на фронты, а на меню. Как это обычно бывает в больших катастрофах: одни учатся считать куски хлеба, другие — калории из изобилия. И обе стороны уверены, что живут в одной и той же стране.

Когда по осаждённому Берлину начала уверенно разгуливать инфлюэнца, Йозефина довольно быстро пришла к выводу, что это уже не просто плохая новость, а полноценный намёк судьбы. Причём намёк — довольно недвусмысленный: «пора уезжать». Оставаться дальше в городе стало чем-то вроде добровольного участия в эксперименте на выживание, без гарантий и инструкций. Решение далось ей тяжело. Дом в Шёнеберге был не просто адресом — это было всё, что осталось от прежней жизни: привычки, порядок, память о Луисе. И расставаться с ним оказалось почти так же болезненно, как потерять его ещё раз. Только теперь окончательно и без возможности пересмотра. Йозефина, которая не имела привычки к сентиментальности и тем более к слезам, на этот раз позволила себе короткую роскошь — оплакать всё, что не сбылось. Юность. Иллюзии. И ту версию жизни, где всё должно было быть как-то более понятно и аккуратно. А потом она сделала то, что умела лучше всего: взяла себя в руки. Повернулась спиной к прошлому и пошла вперёд, потому что альтернативы в её мире не предусматривались. Долг, как всегда, оказался сильнее эмоций.

Для нового этапа жизни Йозефина сняла маленькую квартиру в Дессау — примерно в шестидесяти пяти милях к юго-западу от Берлина. Название звучало почти спокойно, даже провинциально-утешающе, как будто там никто не умирает, не голодает и не принимает судьбоносных решений каждую неделю. По крайней мере, на первый взгляд. Даже Дессау довольно быстро освоил новую форму выживания под названием «брюквенная зима». Это звучит почти

уютно, пока не понимаешь, что на деле это режим, где еда перестаёт быть едой и становится концепцией. Постепенно город начал менять цвет. Лица женщин, детей и стариков приобрели странный оттенок — что-то между усталым жёлтым и оранжевой безысходностью. Как будто сама реальность решила слегка «подкрасить» население в тон рациону. И только Лина упорно выпадала из этого художественного эксперимента. Её кожа оставалась вызывающе нормальной — фарфоровой, почти демонстративной. Так, будто она принципиально не подписывалась на коллективную диету эпохи. Позже она с лёгкой уверенностью рассказывала об этом как о забавном эпизоде:

«В войну мы ели одну брюкву. Только брюкву. Больше ничего. Все вокруг пожелтели — буквально все. Кроме меня. Забавно, правда? Мне тогда было шесть».

Формально ей было шестнадцать. Но у Марлен возраст вообще был вещью договорной. Сегодня шесть, завтра шестнадцать, послезавтра — уже легенда. Годы у неё не шли — они рассыпались, как конфетти, которое никто не успел собрать. И именно в ту брюквенную эпоху в жизни семьи Дитрих появился Эдуард фон Лош.

Человек с хорошей репутацией, устойчивой биографией и странной привычкой казаться надёжным. Он сделал предложение молодой вдове Дитрих спокойно, без театра — как будто это логичный следующий шаг в мире, где логика ещё существует. Йозефина приняла его почти с благодарностью. Не как романтический жест, а как разумное решение задачи с ограниченными ресурсами и повышенной степенью неопределённости. К тому же Эдуард был не случайным человеком. Он был другом Луиса. Тем самым типом друзей, которые всегда выглядят так, будто помнят о тебе больше, чем ты сам хотел бы. И, возможно, именно поэтому в его присутствии у Йозефины никогда не возникало иллюзий. Он знал Луиса слишком хорошо. И, что было ещё важнее, никогда не делал вид, что не знает. Клан фон Лош воспринял новость так, как будто Эдуард не просто собрался жениться, а решил лично протестировать пределы семейного терпения. Реакция была предсказуемой и хорошо отрепетированной: возмущение, паузы, тяжёлые взгляды и финальная формула, которая в приличных семьях заменяет проклятие:

«Она ему не ровня».

Дальше шло стандартное продолжение: если он продолжит этот «необдуманный романтический эксперимент», семья официально перестанет его узнавать на приёмах, в письмах и в генеалогическом древе. Эдуард, выслушав всё это, повёл себя крайне неконфликтно — проигнорировал. Свадьба всё равно состоялась. Скромно, почти без свидетелей и с таким видом, будто это не событие, а военная необходимость. Йозефина была в чёрном. Не в том «маленьком чёрном платье», о котором потом будут писать журналы, а в настоящем — траурном, функциональном и абсолютно лишённом намёков на радость. Дочери на церемонии отсутствовали. У каждой была своя версия реальности происходящего. Лизель тихо продолжала хранить память об отце и неожиданно легко приняла нового мужчину в доме — как человек, который просто соглашается с очередным изменением расписания жизни. Лина же выбрала другую стратегию: полное игнорирование. Если не признавать событие — оно, возможно, потеряет юридическую силу. С этого момента её мать могла менять фамилии, статус и даже семейные обстоятельства сколько угодно. Лина оставалась при своём: Дитрих. И точка. Со временем в её памяти отец и фон Лош начали странным образом сливаться в одного персонажа — как будто жизнь решила сэкономить на второстепенных ролях.

Тем временем семья переехала в новый дом — фешенебельный, правильный и подозрительно спокойный. Берлин за его окнами выглядел почти прилично, как будто война взяла

отпуск. Иногда в доме появлялись продукты, которые не выглядели как компромисс с реальностью: настоящее молоко, сыр, похожий на сыр, кофейные зёрна, а не их философская идея. Иногда даже сахар — целыми головами, как будто его не выдавали, а выращивали в секретных оранжереях надежды. Эдуард стал ходить по черному рынку с выражением человека, который охотится не за роскошью, а за нормальностью. И радовался, когда ему удавалось её купить по завышенной цене. Однажды он даже принёс цветок. Настоящую жёлтую розу. В военном Берлине это выглядело почти как контрабанда красоты. Йозефина смотрела на неё так, будто не была уверена, законно ли это вообще существует.

Дессау. 13 апреля 1917 года Лина открывает дневник с очень честным признанием:

«Хоть бы кто-нибудь вскружил мне голову».

Надо сказать, это одна из самых точных характеристик пятнадцатилетнего возраста. Взрослые в этот момент обычно думают о будущем, образовании и правильных решениях. Лина думала о том, что жизнь без романтического интереса становится подозрительно пустой. При этом вокруг шла война. Погиб дядя Макс, которого она вспоминает с нежностью. Она пишет, что после смерти все сразу начинают говорить, каким он был замечательным. И в этом есть уже её взрослое наблюдение: люди почему-то особенно хорошо вспоминают человека, когда он уже не может услышать комплименты. Но долго оставаться в серьёзном настроении Лина не умеет. Она быстро возвращается к главной теме пятнадцатилетней жизни: нужен новый человек для восхищения.

«Я жду новую любовь».

Очень деловой подход. Не «когда-нибудь, возможно, встречу кого-то». Нет. Лина ждёт. Как будто любовь должна прибыть по расписанию на ближайшем поезде.

17 мая она сообщает: «Когда я шла с урока скрипки по Курфюрстендам, за мной увязались два мальчика».

У Лины вообще была особая способность замечать всё, что могло украсить день. Другой человек прошёл бы домой и забыл. Лина внесла бы событие в архив. Потому что вдруг это начало истории? 18 июня происходит небольшая внутренняя проблема. Лина пишет:

«Я начинаю влюбляться в Маргарет Розендорф — иначе у меня пусто на сердце».

Вот это, пожалуй, самая линовская фраза из всех. Не человек нужен. Не обязательно именно этот человек. Главное — чтобы сердце было занято. Пустое сердце, по мнению Лины, явно требовало срочного ремонта. Она даже объясняет зачем:

«Настолько лучше, когда у тебя кто-то есть — тогда чувствуешь себя такой хорошенькой».

И здесь она удивительно честна. Ей нравится не только сам объект восхищения. Ей нравится состояние, в которое она попадает: новая причёска, ожидание встречи, ощущение собственной привлекательности. Лина уже понимает то, что потом станет её профессией: образ имеет значение. В этом же месяце появляется ещё одна важная фигура — Хенни Портен. Если обычный подросток просто смотрит фильм и говорит: «Какая хорошая актриса», то Лина сразу

переходит на следующий уровень. Она пишет открытку, надеясь получить автограф. А потом сама же рассуждает:

«Она ведь не знает, кому их дает».

Вот здесь особенно смешна её взрослая логика. Она прекрасно понимает устройство мира знаменитостей, но всё равно надеется на маленькое чудо. И это очень по-человечески. Параллельно Лина занимается не менее важным делом — созданием собственного образа.

Первая жертва — Лизель. Она добивается, чтобы Лизель изменила причёску. Потому что косы — это уже прошлое. Потом она занимается собой.

«Я уже слишком стара для косы».

В пятнадцать лет эта фраза звучит так, будто человек пережил несколько эпох и теперь вынужден отказаться от детства. Но Лина была права в одном: внешность для неё никогда не была мелочью. Причёска, одежда, манера держаться — всё это было способом сказать миру: «Я уже другая». А потом появляется графиня Герсдорф. И вот тут дневник становится особенно интересным. Лина снова находит человека, который кажется ей необыкновенным. На этот раз это не мальчик и не актриса, а элегантная взрослая женщина с титулом, красивыми манерами и совершенно другим образом жизни. Лина пишет:

«Она прекрасна, как ангел».

Но нужно помнить: Лина вообще была человеком больших формулировок. Если ей нравился человек — он был прекрасен, удивителен и почти не от мира сего. Она не умела писать: «Сегодня мне понравилась эта женщина, она интересная». Нет. У неё сразу «ангел», «чудная», «обожаемая». Скромность явно не была её литературным стилем. При этом в этих страницах важнее всего не романтическая сторона, а то, что Лина снова делает то, что будет делать всю жизнь: она ищет интересных людей и создаёт вокруг них целую историю. Ей нравится красота, талант, стиль, необычность. Она собирает впечатления. Но самое забавное происходит потом. 15 ноября графиня всё ещё пытается понять, почему Лина больше не смотрит на неё прежними глазами. А у Лины уже новый фаворит.

«У меня сейчас в медальоне портрет Хенни Портен».

Вот так быстро работает сердце Лины. Вчера — графиня. Сегодня — кинозвезда. Завтра — кто знает? Главное, чтобы жизнь не была скучной. Эти записи очень хорошо показывают будущую Марлен. Не потому, что в пятнадцать лет она уже была готовой легендой. А потому, что она уже обладала главным качеством: умением превращать обычную жизнь в спектакль. Она не просто жила. Она наблюдала, оценивала, выбирала роли и записывала всё в дневник. Даже когда главным событием дня была новая причёска или чей-то взгляд на улице.

Война продолжалась. 20 ноября в лексикон вошло новое слово — «танк». Оно звучало почти невинно, пока не начинало двигаться. Зима была тяжёлой: морозы, тиф, смерть в рабочих кварталах. Город жил в режиме постоянного истощения.

22 ноября 1917 года Лина отправилась в Моцартовский театр смотреть фильмы с Хенни Портен. Сам просмотр фильма был, конечно, важен. Но настоящий план был после. Лина ждала актрису и подготовила подарок — четыре тёмно-красные гвоздики. Четыре цветка. За четыре

марки. Для обычного человека — просто цветы. Для Лины — почти дипломатическая встреча между поклонницей и звездой. Она пишет:

«Они стоили четыре марки — но это было не важно».

Она могла сколько угодно переживать о деньгах, правилах и запретах, но если дело касалось красивого жеста — экономия внезапно уходила в отпуск.

Хенни Портен пожала ей руку, и произошло то, что в пятнадцать лет вполне возможно: один короткий момент превращается в событие, которое нужно немедленно сохранить в дневнике.

«Мне показалось, что ничего плохого в мире вообще не существует».

Очень линовское преувеличение. Человек просто пожал руку. Но в дневнике Лины это уже почти отмена всех мировых проблем. Война? Политика? Тревоги взрослых? Подождите, Хенни Портен только что улыбнулась. А ещё у Лины был собственный способ справляться с переизбытком чувств. Она пишет:

«Иногда я не могу справиться с чувствами. Тогда я просто покупаю открытку с её фотографией и смотрю на неё дома».

Современные психологи, возможно, назвали бы это способом саморегуляции. Лина называла это покупкой открытки. И надо признать — метод был довольно простой. Плохо настроение? Купить фотографию красивого человека. Работает.

В январе 1918 года дневник снова переходит в драматический режим.

«Я в восторге от тебя».

Всего три слова. Но у Лины за ними, конечно, целая вселенная. Она пишет, что любовь — это одновременно счастье, страх и боль. В пятнадцать лет чувства вообще имеют неприятную привычку приходить сразу всем составом. Там нет маленькой симпатии на пять минут. Там либо ничего, либо событие века. Через несколько дней настроение меняется. Вчера — слёзы. Сегодня — счастье. Причина? Цветы. Лина покупает фиалки и ландыши и отправляется к дому человека, который занимает все её мысли. Надо сказать, это очень характерный для неё поступок. Она не просто ждёт, когда жизнь произойдёт. Она организует небольшое событие сама. Есть объект восхищения. Есть цветы. Есть маршрут. Есть надежда на красивый момент. Почти готов сценарий. И момент действительно случается. Актриса выходит из дома. Лина протягивает цветы. Получает улыбку. Всё. День спасён.

Если посмотреть на эти страницы со стороны, можно улыбнуться: пятнадцатилетняя девочка способна пережить конец света из-за одного взгляда и воскреснуть от одной улыбки.

В то же время в Европе происходили вещи куда менее романтические. Солдатам выдавали особые разрешения после контузий — фактически оправдание за убийства в состоянии помутнения. В другой стране, наоборот, решили, что солдатам нельзя доверять оружие даже в отпуске. Война пыталась сама с собой договориться, но получалось плохо. И пока мир системно рушился, Лина вела параллельную реальность — где главным событием дня была улыбка актрисы, а не гибель людей на фронте. История вокруг становилась всё громче, но в

её записях она существовала как фон. И это было самое честное и самое тревожное в этих страницах: мир ломался масштабно, а взросление происходило тихо — между открыткой и букетом фиалок.

17 апреля 1918 года она коротко записывает о предстоящей конфирмации.

«Скоро конфирмация. Придёт вся семья».

В этой записи особенно заметно столкновение двух миров. Для взрослых — важный религиозный и семейный момент. Для Лины — ещё одно событие в длинном списке всего, что происходит вокруг неё. Потому что у неё внутри уже шла своя отдельная жизнь. Там были актрисы, прогулки, цветы, взгляды и вечный поиск чего-то интересного. После войны Лина возвращается в Берлин, а вместе с городом возвращается и её любимое занятие — анализировать себя.

12 апреля 1919 года она задаёт вопрос, который, вероятно, задавали многие подростки:

«Почему я не такая, как остальные?»

Разница только в том, что обычный подросток подумал бы об этом пять минут. Лина написала об этом целую внутреннюю драму. Лизель и Мутти кажутся ей слишком рассудительными, слишком правильными. А сама она, по её мнению, совершенно другой тип человека — более чувствительный, более эмоциональный и, разумеется, гораздо более интересный. Лина вообще подозревала, что быть обычной — это довольно скучно. В тот вечер она собиралась в Моцартовский театр. План был прекрасный: музыка, кино, Хенни Портен, немного красоты и вдохновения. Но судьба приготовила испытание. Сначала с ней пошла Лизель. Потом для полного контроля ситуации присоединилась Мутти. И вот маленькая семейная прогулка превратилась в мероприятие с сопровождением взрослых. Лина была явно недовольна. Ей хотелось свободы, а получила она семейную делегацию. Почти как если бы человек купил билет на романтический фильм, а рядом посадили двух критиков с блокнотами. Но был и плюс. Лина прекрасно знала, что умеет производить впечатление. Она тщательно подготовилась к выходу в театр, и результат не заставил себя ждать: кто-то сравнил её с красивой куклой, а один господин даже спросил, не киноактриса ли она. Надо признать: вопрос был очень своевременный. Будущая Марлен уже начала получать первые намёки от окружающих, хотя сама пока воспринимала это просто как приятный комплимент. Самая интересная часть этой записи — даже не театр и не поклонники. А жалоба на Мутти. Лина мечтает о человеке, которому можно рассказать всё и не получить в ответ лекцию. Лина хотела, чтобы её наконец признали взрослой.

К 1919 году у Лины продолжается одна постоянная тема — любовь. Вернее, не сама любовь, а её поиски. 2 мая в её жизни снова появляется новое большое чувство. Лина влюбляется с таким энтузиазмом, будто это её профессиональная обязанность. Она не просто испытывает симпатию. Она проводит полный анализ ситуации: что чувствует она, что чувствует он, что будет дальше и почему, скорее всего, всё закончится трагически. Причём трагедия ещё не наступила. Но Лина уже подготовилась. Это был её особый талант: переживать неприятности заранее, чтобы потом не тратить время. Некоторые люди живут сегодняшним днём. Лина жила сегодняшним днём, вчерашними воспоминаниями и завтрашними возможными катастрофами одновременно. Её мать Йозефина, конечно, всё это замечала.

2 мая 1919 Марлен снова влюблена. На этот раз — окончательно. По крайней мере, до следующего вторника. Уже несколько дней она носит со своим новым чувством, как с дорогой вазой, одновременно любуясь ею и заранее представляя, как та разобьётся. Наслаждаться счастьем здесь и сейчас? Нет, это слишком просто. Гораздо интереснее заранее страдать из-за будущих страданий.

— Зачем радоваться, если потом будет грустно? — философски размышляла она, ещё даже не успев толком порадоваться.

Марлен искренне завидовала людям, способным жить одним днём. Сама же она умудрялась превращать лёгкий флирт в многоактную трагедию с предисловием, эпилогом и похоронным маршем. Особенно её мучил вопрос: почему её никогда не любит тот, кого ей разрешено любить? Судьба, похоже, считала этот вариант слишком скучным. Между тем её несчастный Реди всё больше напоминал сентиментальный роман.

А в это время мать Марлен, Йозефина, была озабочена уже не только послевоенным хаосом в Берлине, но и не менее опасным явлением — любовной активностью собственной дочери. Марлен бросалась в чувства то к одному человеку, то к другому с такой скоростью, что мать едва успевала запоминать имена.

16 июня 1919. Новости с любовного фронта: счастье снова наступает. Марлен опять влюблена. Но теперь всё совершенно иначе. Так она говорила каждый раз, и именно поэтому была уверена, что на этот раз действительно иначе. Вернулась одна из её старых привязанностей, что автоматически делало роман гораздо серьёзнее и глубже всех предыдущих за последние несколько недель. Удивительно, но теперь она была спокойна. Во-первых, потому что объект её чувств не собирался добиваться ничего лишнего. Во-вторых, потому что она уже успела заранее пережить большинство возможных катастроф ещё в мае. Они были счастливы просто видеть друг друга. Она смотрела на него. Он смотрел на неё. Все были довольны.

— Наконец-то я снова люблю, — радостно записала Марлен.

Слово «снова» в её случае уже постепенно превращалось в образ жизни. Впрочем, сама она смотрела в будущее с присущей ей трезвостью:

— После него, возможно, будет кто-то ещё.

ГЛАВА: Веймарская ссылка

В 1920 году Йозефина Дитрих наконец решила, что дочь слишком долго «искала себя», слишком увлекалась музыкой, слишком много думала о сцене, о чувствах, о мире, который никак не хотел складываться в правильную форму. И тогда мать сделала то, что делают матери, когда терпение заканчивается: она отправила Марлен в пансион. В теории это выглядело как исправление характера. На практике — как ссылка с претензией на воспитание.

Йозефина выбрала место с почти театральной иронией: Веймар. Город Гёте. Город классики. Город, где, как ей казалось, даже самые упрямые души должны становиться дисциплинированными. Это была ошибка, которую можно было бы записать в отдельную главу педагогических провалов. Потому что Веймар оказался чем угодно, но только не лекарством. Сначала всё выглядело даже обнадеживающе. Марлен действительно скучала. Скучала настолько образцово, что это почти вселяло надежду: тихие вечера, правильные занятия, дисциплина, предсказуемость. Казалось, ссылка начала работать. Но очень скоро выяснилось: скука у Марлен — это не отсутствие жизни. Это просто пауза перед следующим увлечением. И тогда появилась скрипка. Точнее — не совсем скрипка. Скрипка была предложением. Реальной причиной был преподаватель. Маэстро Рейц. Человек из той породы музыкантов, которые слишком глубоко понимают Баха и слишком плохо — границы собственной эмоциональности. Говорили, что он становился заметно более сосредоточенным, когда Марлен брала инструмент в руки. И даже держал руки в карманах — демонстративно спокойно, почти слишком спокойно, как будто пытался удержать не жесты, а мысли. В комнате для занятий музыка иногда звучала так, будто между нотами происходит ещё один, невидимый разговор. И, разумеется, это не могло остаться незамеченным. Потому что ничто в жизни Марлен Дитрих никогда не оставалось незамеченным.

Когда Йозефина приехала в очередной раз, она не услышала жалоб. Она не увидела скандалов. Она увидела атмосферу. А атмосфера — это всегда самое опасное доказательство. Достаточно было взгляда. И очень короткой паузы. После которой скрипка вдруг перестала быть единственным предметом обсуждения. Решение было принято быстро, почти без обсуждений. Марлен перевели к другому преподавателю. Без объяснений. Без драматических сцен. Без официальных формулировок. Просто — смена курса. Как будто можно поменять не только педагога, но и направление чувств. Марлен, впрочем, не протестовала. Но вскоре директриса решила просто поговорить с маэстро и по неизвестным причинам вернуть Марлен к профессору Рейцу.

В 1920 году у Лины появилась проблема, знакомая многим талантливым людям: талант был, а вот желание ежедневно делать скучную часть работы иногда куда-то исчезало. Скрипка — инструмент прекрасный, но с одним серьёзным недостатком: она не впечатляется красивыми глазами, не реагирует на настроение и не считает, что её обладательница заслуживает похвал только потому, что ей сегодня хочется гулять. 21 октября Лина возвращается с урока скрипки и начинает размышлять о своей музыкальной судьбе. Профессор Рейц, кажется, уже не так восхищён, как раньше. Сначала всё шло замечательно. Знакомые произведения Лина играла хорошо, преподаватель хвалил её и даже писал об этом Мутти. Но потом появились новые произведения. А новые произведения, как выяснилось, требуют не только вдохновения, но и ужасного количества повторений. То есть — работы. А вот с этим у Лины были сложные отношения. Она честно признаётся:

«Если бы я была другая... если бы я не искала так удовольствий...»

Очень редкий случай подростковой честности. Обычно человек в этом возрасте объясняет всё внешними обстоятельствами: плохой учитель, плохая погода, слишком сложные ноты, неправильная Вселенная. Лина же почти признаётся: возможно, проблема в том, что ей слишком интересно жить. Ей хочется играть музыку, но также хочется встречаться с людьми, ходить на концерты, красиво одеваться, разговаривать и вообще не пропускать ничего интересного. Особенно характерно, что, рассуждая о будущем музыканта, Лина довольно быстро рассматривает запасной вариант. Может быть, кто-нибудь просто женится на ней? Тогда можно будет забыть о бесконечных упражнениях. Очень практичное решение. Другие люди строят карьерный план на десять лет. Лина примерно так: вариант первый — много лет заниматься скрипкой. Вариант второй — найти человека, который решит проблему. Нельзя сказать, что она не искала выход. Она просто предпочитала более приятные маршруты. Но тут появляется ещё одна деталь. Профессор Рейц для Лины постепенно становится не только учителем музыки. В её дневниках уже заметно знакомое движение: человек, который уделяет ей внимание, понимает её талант и находится рядом, легко превращается в объект особого интереса. Лина вообще обладала удивительной способностью. Она могла прийти на урок с мыслью о гаммах, а уйти с новыми переживаниями. Скрипка оставалась скрипкой. А вот преподаватель уже становился частью внутреннего спектакля. Конечно, Лина не писала: «Сегодня я решила добавить в музыкальную программу немного романтики». Но читатель, знакомый с её предыдущими дневниковыми приключениями, мог только улыбнуться. История повторялась. Новый человек. Новые чувства. Новый повод записать несколько страниц.

Когда Марлен вернулась в Веймар на последний семестр пансиона, её уже ждал сюжет, который обычно предвещает романы в духе хорошей литературы: влюблённый учитель музыки. В романах такие мужчины всегда опасны. Немного гениальны, немного одиноки, немного слишком близко сидят к роялю. Совместная музыка делает своё дело: Бах, Гендель, дыхание, взгляды — и вот уже педагог превращается в «мэтра», а ученица — в трагическую героиню. В теории всё выглядит почти неизбежно. Но на практике — куда менее поэтично. Позднее Марлен вспоминала этот эпизод без особой нежности, скорее с тем удивлённым разочарованием, с которым человек обнаруживает, что обещанная великая сцена жизни оказалась плохо организованной репетицией. Это был её первый сексуальный опыт. И он совершенно не соответствовал жанру.

«Он стонал, пыхтел и задыхался. Даже не снял брюки. А я просто лежала на кушетке, обитой красным плюшем; юбки задраны и спине очень жестко. Всё вместе очень-очень неудобно», — вспоминала она много лет спустя уже дочери.

В этом описании нет ни романтики, ни трагедии. Есть только странное чувство бытовой неловкости, как будто кто-то попытался сыграть Генделя, но перепутал партитуру. И главное — полное отсутствие того, что обычно обещают подобные истории. Ни восторга. Ни открытия. Ни «судьбы». Только красный плюш, неудобная поза и ощущение, что музыка, возможно, была лучше, чем всё остальное. И как будто в довершение к этому маленькому крушению романтического сценария, судьба добавляет свой сухой комментарий: в музыкальную академию её так и не приняли.

ГЛАВА: Берлин. Театр как новая религия

Вернувшись в Берлин, Лина довольно быстро поняла неприятную вещь: скрипка — это прекрасно, но мир отчего-то не собирался признавать в ней Паганини. Значит, план пришлось пересобрать. Если нельзя стать знаменитой скрипачкой — логично стать знаменитостью другого типа. Например, театральной.

Так в её жизни появился новый культовый объект — Театральная академия Рейнхардта. Это звучало почти как пропуск в высшую лигу человеческого существования. И Лина, не долго думая, решила туда поступать. Для прослушивания она выбрала материал, от которого у любого преподавателя либо случается духовное просветление, либо лёгкая мигрень: «Фауст», монолог Гретхен, молитва Пресвятой Деве. Выбор был безошибочный. Если уж страдать — то по-крупному. Она читала долго, настолько долго, что колени успели стать частью художественного замысла: по одной из поздних версий, они даже приобрели оттенок «сценической трагедии» — покраснели, опухли и начали жить собственной драматической жизнью. К финалу монолога зал уже находился в состоянии между сочувствием и лёгкой тревогой: не надо ли вызывать кого-нибудь — или это и есть современный театр. И тут произошло главное. Из темноты зала, где обычно сидят критики и люди, которые потом всё портят, раздался голос. Мужской, тяжёлый и очень уверенный в себе.

— Фрейлен Дитрих... поднимите юбку. Мы хотим взглянуть на ваши ноги.

Пауза. История на этом месте всегда делает вдох. Потому что именно здесь начинается легенда.

Молодая трагическая актриса, только что умершая на коленях во имя Гретхен, внутренне, возможно, умерла ещё раз — уже от возмущения. Какая грубость и какой цинизм. Какое полное отсутствие понимания того, что происходит искусство. Подразумевалось, конечно, что голос принадлежал самому маэстро Рейнхардту — великому режиссёру, человеку-эпохе, полубожеству немецкого театра. Проблема была только одна: Рейнхардт в этот день вообще не посещал вступительные прослушивания. Но биография — вещь податливая. Особенно когда ты ещё не знаменит, но уже очень хочешь ею быть. В действительности Лина не была ученицей великого маэстро. Она не училась у него и не проходила его «школу». Но она сделала нечто более изобретательное: она оказалась рядом с его именем. Несколько мелких ролей в его театрах. Пара выходов в постановках «Дойчес-Театра». И этого оказалось вполне достаточно, чтобы возникло ощущение причастности. А дальше сработал классический закон будущей звезды: если история недостаточно велика — её можно немного расширить. И очень скоро мир запомнил не просто начинающую актрису, а «ученицу Рейнхардта». Так формируется не карьера. Так формируется легенда. И в этом смысле Лина уже тогда была честна со временем: она не врала — она просто опережала факты.

Если существует отдельная олимпийская дисциплина под названием «выжить в берлинском театре 1920-х», Марлен уверенно взяла бы золото. Она соглашалась буквально на всё. Сегодня горничная с двумя репликами. Через час — светская дама номер семь на коктейльной вечеринке. К вечеру — танцовщица в массовке. Если зрителю казалось, что по городу одновременно бегают три разные блондинки, весьма вероятно, что все три были Марлен. Энергии у неё было столько, будто кто-то по ошибке выдал ей запас на несколько жизней сразу. Пока другие начинающие актрисы мечтали о большой роли, Марлен мечтала хотя бы успеть на следующую сцену. И довольно скоро выяснилось, что девушка не только талантлива, но и обладает весьма

своеобразным отношением к театральному имуществу. Дело в том, что Марлен искренне считала: если платье великолепно смотрится на ней, значит, судьба уже всё решила. Зачем спорить с судьбой? Поэтому некоторые особо удачные предметы гардероба после спектаклей загадочным образом меняли место жительства. Костюмеры недоумевали. Марлен молчала. А шкаф постепенно расширялся. Особенно трогательно выглядел её личный арсенал перевоплощений. Там можно было найти всё необходимое для любой жизненной ситуации — даже той, которой никогда не существовало. Нужно сыграть бедную девушку? Где-то уже ждут потрёпанные перчатки с художественными дырками. Роковую женщину? Пожалуйста. Богатую вдову? И для неё найдётся комплект. Казалось, если бы однажды режиссёр попросил сыграть королеву, пиратку, гадалку и сбежавшую невесту одновременно, Марлен просто открыла бы шкаф и сказала:

— Сейчас посмотрим, что у нас есть.

Шляпы заслуживают отдельной главы. Или отдельной квартиры. К началу своей карьеры Марлен собрала такую коллекцию аксессуаров, что могла определить социальное положение женщины быстрее любого социолога, просто взглянув на её шляпку. Одним словом, пока Голливуд ещё только учился превращать костюмерные в личные гардеробные, Марлен уже проводила этот эксперимент в полевых условиях. И весьма успешно. Когда Марлен узнала, что для нового фильма ищут актрису на роль «подружки героя», она подошла к вопросу с присущей ей научной основательностью.

Для начала следовало выяснить: что именно режиссёр понимает под словом «подружка»? Если речь идёт о приличной девушке из хорошей семьи — это один гардероб. Если о даме с богатым жизненным опытом и весьма гибкими моральными принципами — совсем другой. На всякий случай Марлен решила подготовиться ко всем вариантам сразу. Она надела платье, которое деликатно намекало, что его обладательница не слишком боится мужского внимания. Затем добавила длинные зелёные перчатки такого оттенка, что ими при желании можно было регулировать движение на перекрёстке. В комплект отправились туфли того же вызывающего цвета. Но Марлен была человеком предусмотрительным. А вдруг сценаристы внезапно передумают и окажется, что нужна не роковая красавица, а обычная уличная девчонка? На такой случай она прихватила потрёпанное боа, способное придать образу необходимую степень жизненных трудностей. В результате её наряд выглядел так, словно между собой поспорили театральный художник, певица кабаре и очень смелый продавец тканей.

Пока остальные девушки скромно ожидали своей очереди, Марлен невозможно было не заметить. Собственно, именно это и произошло. Среди всех претенденток её первой увидел молодой ассистент режиссёра Рудольф Зибер. Позже он любил рассказывать, что сначала заметил не саму Марлен, а её знаменитые зелёные перчатки. Возможно, это и правда. Потому что такие перчатки трудно было не заметить. Они буквально входили в помещение на несколько секунд раньше своей хозяйки. Сам Рудольф тогда ещё не подозревал, что смотрит не просто на очередную актрису, пришедшую на пробы. Перед ним стояла женщина, которая вскоре перевернёт всю его жизнь. Хотя, если быть честными, зелёные перчатки тоже сыграли в этой истории далеко не последнюю роль.

Когда Руди сделал Марлен предложение, она согласилась почти мгновенно. В тот момент ей казалось, что поиски окончены. Вот он — мужчина её мечты. Тот самый человек, с которым можно гулять под осенними деревьями, держась за руки, обмениваться многозначительными взглядами и вместе встречать все будущие закаты человечества. Марлен была романтиком высшей категории. Каждая новая любовь выглядела для неё как генеральная репетиция вечности. А вот её мать, Йозефина, смотрела на происходящее куда менее поэтично. Будущий зять её совершенно не впечатлил. Не то чтобы Руди был плохим человеком. Просто в материнских мечтах всё выглядело несколько иначе. Когда у тебя такая красавица дочь, поневоле

начинаешь рассчитывать хотя бы на графа. В крайнем случае — на князя. Или на очень богатого промышленника с замком и виноградниками. Но история распорядилась иначе.

После войны старая Германия трещала по швам. Деньги обесценивались быстрее, чем успевали печататься, древние семейные традиции отправлялись на свалку истории, а аристократические браки уже не выглядели единственным смыслом существования молодых девушек. Приходилось работать с тем материалом, который предоставляла жизнь. Йозефина вздохнула и решила, что муж всё-таки лучше, чем очередная компания артистов, музыкантов и прочих творческих личностей, которых она подозревала во всех смертных грехах одновременно. Актёрам она не доверяла принципиально. По её мнению, они были подозрительным народом, который слишком много веселится, слишком мало работает и почему-то всегда возвращается домой глубоко за полночь. Поэтому Руди неожиданно получил от неё кредит доверия. Небольшой. Но всё же. В глубине души Йозефина надеялась лишь на одно: если этот молодой человек действительно любит её дочь, то Господь дарует ему невероятное терпение. Потому что обуздать Марлен было задачей примерно того же уровня сложности, что поймать ветер сачком для бабочек.

ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА МАРЛЕН (Мария Рива» Жизнь Марлен Дитрих»)

Берлин

2 июля 1923

Я замужем. И мы даже не сфотографировались вместе! Но неважно, есть вещи, которые НИКОГДА не забываются...

Беременность Марлен изменила многое. Например, её отношение к браку. Вернее, к одной весьма определённой части брака. Однажды Руди фактически сообщили, что романтическая глава их семейной жизни закрывается на неопределённый срок. Срок впоследствии оказался вечностью. Марлен вообще относилась к любви довольно своеобразно. Её гораздо больше увлекали взгляды, признания, письма, ревность, драматические расставания и красивые примирения. Иными словами, весь спектакль целиком. А вот к физиологической части вопроса она проявляла куда меньше энтузиазма. Беременность неожиданно предоставила ей идеальный аргумент. Спорить с этим было трудно, Руди и не спорил. Лишь много позже он понял, что временная мера каким-то образом превратилась в постоянное семейное устройство. К тому моменту решение уже вступило в силу окончательно и пересмотру не подлежало.

Зато сама беременность захватила Марлен целиком. Она относилась к будущему ребёнку с такой собственнической нежностью, словно занималась самым важным проектом своей жизни. Иногда складывалось впечатление, что в её версии событий природа работала исключительно под её руководством. Если послушать Марлен, можно было решить, что ребёнок появился благодаря её силе воли, хорошему вкусу и организаторским способностям. Мужчина в этой истории играл всего-то роль статиста, а главную роль, как всегда, исполняла сама Марлен.

Рожать она собиралась не где-нибудь, а в одной из лучших берлинских клиник. Всё должно было быть безупречно. Впрочем, сам процесс навсегда вошёл в число её любимых жизненных воспоминаний. Не потому, что был лёгким, нет, совсем наоборот. Потому что давал прекрасную возможность ещё много много лет рассказывать окружающим, через какие невероятные испытания ей пришлось пройти. Марлен умела превращать любую историю в легенду. Особенно если главным героем этой легенды была она сама. А ещё она обладала уди-

вительным талантом переписывать биографию по мере необходимости. Возраст? Вещь условная. Даты? Предмет для творческого осмысления. Документы? Скучная формальность. Иногда складывалось впечатление, что даже календарь обязан подстраиваться под Марлен Дитрих, а не наоборот. И если факты начинали противоречить созданному ею образу, тем хуже для фактов.

После рождения дочери Марлен неожиданно нашла роль, которая затмила все остальные. Роль матери. И подошла она к ней с присущим себе размахом. Любовь к ребёнку у неё шла рука об руку с бесконечной тревогой. Стоило малышке чихнуть, Марлен уже мысленно заказывала траурный венок. Если ребёнок не чихал, возникал другой повод для волнения. А вдруг развивается недостаточно быстро? А вдруг развивается слишком быстро? А вдруг развивается не в ту сторону?

Совершенство требовало постоянного контроля. Особенно серьёзно Марлен относилась к грудному вскармливанию. Она кормила дочь с таким усердием, словно выполняла государственную программу стратегической важности. Правда, позже выяснилось, что у этой самоотверженности был неожиданный побочный эффект. По крайней мере, по версии самой Марлен. Спустя годы она неоднократно напоминала окружающим, какие жертвы ей пришлось принести ради материнства. Главным символом этих жертв неожиданно стала её собственная грудь. Если верить рассказам Марлен, ребёнок буквально унёс с собой всю прежнюю античную красоту груди включая её упругость. Причём рассказывалось это с таким драматизмом, будто речь шла о национальном достоянии. Со временем история обросла подробностями и превратилась почти в семейную легенду. Марлен умела делать это лучше многих сценаристов. Любое событие в её исполнении становилось эпической драмой. Впрочем, именно в этом и заключалась одна из её главных особенностей. Она никогда не проживала жизнь маленькими порциями. Если любить — то до обожания. Если переживать — то до катастрофы. Если быть матерью — то так, чтобы весь мир знал, каких героических усилий это стоило. И желательно помнил об этом ещё много десятилетий спустя.

У детей, родившихся в декабре, есть одна вечная проблема. Они всегда младше, чем хотелось бы. Особенно когда вокруг полно детей, которые уже успели отметить день рождения и гордо прибавить себе лишний год. Поэтому в начале 1929 года дочь Марлен решила немного помочь календарю и сообщала всем желающим, что ей уже пять лет. Мать тут же пресекала подобные попытки фальсификации возраста.

— Нет, дорогая, тебе четыре.

Спорить с Марлен по вопросам биографии было бессмысленно. Особенно если речь шла не о её биографии.

Наступил 1929 год. Мир стремительно катился в неизвестность. На Уолл-стрит рушились состояния. Банкиры теряли миллионы. Газеты кричали о катастрофе. Но в доме Дитрих появилась новость, которая для Марлен оказалась ничуть не менее важной. Вернувшись от врача, она торжественно объявила мужу:

— Представляешь? В Америке миллионеры выбрасываются из окон, а доктор сказал, что у ребёнка кривые ноги! Я же говорила, что с ними что-то не так!

Руди уже знал о финансовом кризисе. А вот о предполагаемой трагедии нижних конечностей услышал впервые. Сам ребёнок тоже внимательно посмотрел на свои ноги. Ноги выглядели вполне прилично. Во всяком случае, ни одна из них не производила впечатления катастрофы международного масштаба. Но Марлен было не так-то просто успокоить. Если она

обнаруживала проблему, то принималась решать её с немецкой основательностью. В результате началась операция по спасению ног. Каждую ночь на ребёнка надевалась сложная ортопедическая конструкция, напоминавшая одновременно рыцарские доспехи и оборудование для ремонта локомотивов. Сталь. Кожа. Ремни. Болты. Гайки. И ключ внушительного размера. Спать в этом устройстве было примерно так же удобно, как ночевать внутри сейфа. Перевернуться на другой бок не представлялось возможным даже теоретически. Зато Марлен была спокойна. А если Марлен была спокойна, значит, лечение шло успешно. Так продолжалось почти два года. Потом Марлен уехала покорять Голливуд. Вернулась Марлен уже звездой. И тут неожиданно выяснилось удивительное обстоятельство. Ноги были совершенно нормальными. Точно такими же, какими были до начала великой ортопедической кампании. Впрочем, это нисколько не отменяло самого главного. Если бы существовала премия за материнское усердие, Марлен наверняка получила бы её раньше всех остальных.

Берлин двадцатых годов был городом, который категорически отказывался ложиться спать. Он шумел, сверкал, танцевал и, кажется, каждую ночь придумывал себя заново. Конечно, другие столицы тоже умели развлекаться. Париж кокетничал. Лондон делал вид, что остаётся приличным. Чикаго азартно нарушал сухой закон. Но Берлин словно участвовал в собственном соревновании по эксцентричности и уверенно занимал первое место. Улицы были похожи на бесконечный театр под открытым небом. Каждый вечер здесь начинался новый спектакль, и никто заранее не знал, кто окажется главной звездой. Марлен обожала такие представления. Они с друзьями набивались в маленький автомобиль Руди и отправлялись колесить по городу без всякого маршрута. Одни люди ходят в оперу. Другие — в музей. Марлен предпочитала наблюдать за Берлином. И надо признать, город никогда её не разочаровывал. Особенное удовольствие ей доставляло разглядывать самых ярких персонажей ночной жизни.

Марлен утверждала, что может безошибочно определить человека, который относится к собственному образу как к произведению искусства. А ещё была убеждена, что некоторые мужчины умеют носить женские наряды с таким шиком, который недоступен большинству женщин. У Марлен даже появился свой фаворит. Высокий блондин, которого невозможно было спутать ни с кем другим. Его визитной карточкой были белоснежный атласный цилиндр и столь эффектный гардероб, что он выглядел так, словно каждое утро просыпался с единственной целью — затмить всех окружающих. Марлен наблюдала за ним почти с профессиональным восхищением. В конце концов, она уже тогда понимала простую истину: талант — это не только умение играть роль. Иногда талант заключается в том, чтобы эффектно появиться на улице и заставить весь город обернуться тебе вслед. Одна из самых знаменитых фраз Марлен Дитрих звучала так:

— Сексуальную оторву может сыграть только голубой.

В её исполнении это была не насмешка, а почти профессиональная оценка. Марлен искренне считала, что настоящая чувственность рождается не из грубости, а из игры, фантазии и умения создавать образ. К тому времени она уже прославилась своим острым языком, независимым характером и удивительной способностью балансировать на грани дозволенного, никогда её не переступая. В Берлине двадцатых это было почти искусством. Город жил по принципу: чем скандальнее, тем интереснее. Руди прекрасно понимал, какой козырь оказался у него в руках. Он хотел, чтобы Марлен интриговала публику, будоражила воображение, заставляла людей спорить о себе. Но при этом оставалась недостижимой. В её образе должны были сочетаться соблазн и холодность, дерзость и аристократическая отстранённость. Сама Марлен редко задумывалась о подобных стратегиях. Ей просто нравилась жизнь. А жизнь в те годы кипела в берлинских кабаре. Там её обожали. Особенно артисты, которые перед выходом на

сцену относились к вопросам красоты так, будто от выбора помады зависела судьба Германии. Стоило Марлен появиться за кулисами, как её немедленно окружали советчики и паникёры.

— Марленхен, взгляни, этот оттенок помады делает меня роковым или просто очень уставшим?

— Как думаешь, ещё немного туши добавит драматизма или зрители начнут искать меня в темноте по одним ресницам?

— Посмотри на эти перчатки. Они выглядят дорого или пытаются выглядеть дорого?

— А что делать с этим несчастным боа? Величественно тащить его за собой или незаметно оставить в гримёрке?

Марлен терпеливо выслушивала каждого.

— Волочи, дорогой! Волочи его! Аппликации из черных атласных лебедей? Нет, нет. Дешёвка, душечка, это не для тебя. Тебе нужно носить только красное, пусть это будет твой цвет — красное, как помада! Всё- всё: туфли, чулки, подвязки. Всё! Кстати, скажи Стефану, что нет смысла надевать платье с разрезом до пупа, если он забывает побрить ноги!

После таких консультаций публика могла быть спокойна: на сцену выходили люди, получившие личное одобрение Марлен Дитрих.

ГЛАВА: Голубой ангел

1929 год для Марлен Дитрих был временем, когда сутки явно отказывались содержать достаточное количество часов. Днем — съемочные площадки, вечером — театр, ночью — репетиции, а между всем этим еще нужно было успевать жить. В том году она снялась сразу в нескольких немых фильмах и играла главную роль в популярном берлинском ревю «Два галстука» на музыку своего друга Миши Шполянского. Сюжет строился вокруг противостояния двух бабочек — черной и белой. Немцы умели превращать в социальную сатиру даже предмет мужского гардероба.

Обеды в семье Дитрих проходили стремительно. Марлен ела с той скоростью, с какой обычно люди спасаются от пожара. Однажды, проглатывая картофельный салат вперемешку с сосисками, она попыталась сообщить важную новость. Правда, половина сообщения погибла в неравной борьбе с едой.

Руди терпеливо дождался, пока жена запьет сказанное пивом.

— И что же произошло?

Оказалось, что в Берлин приехал американский режиссер Джозеф фон Штернберг. Тот самый, который собирался снимать Эмиля Яннинга в звуковом фильме на студии UFA. Новость сама по себе была важной. Но гораздо интереснее были слухи. По театральному Берлину уже гуляла версия, что режиссер ищет актрису на роль певицы с сомнительной репутацией. Проще говоря, шлюхи.

— И ты думаешь, он ищет тебя? — невозмутимо поинтересовался Руди.

Марлен посмотрела на мужа с выражением человека, которому только что предложили сыграть водопроводную трубу.

— Не говори глупостей. Разве я похожа на дешевую шлюху?

— Вообще-то да.

Руди обладал редким даром отвечать честно именно тогда, когда этого делать не следовало.

На следующий день спор о том, в чём идти на встречу с Джозефом фон Штернбергом, начался ещё за завтраком и грозил плавно перетечь в ужин. У Марлен был свой план. У Руди — свой. Как это часто бывает в браке, оба считали себя единственным разумным человеком в комнате. Марлен настаивала, что режиссёр ищет женщину опасную, загадочную и слегка испорченную жизнью. Руди хотел, чтобы его жена выглядела так, будто только что окончила пансион для благородных девиц и сейчас собирается читать детям стихи.

— То есть ты предлагаешь мне выглядеть прилично? — возмутилась Марлен.

— Именно это я и предлагаю, — ответил Руди.

В голосе мужа звучала такая спокойная решимость, что Марлен сразу поняла: спорить придётся долго.

— Замечательно. Просто замечательно. Все вокруг говорят, что героиня фильма — певичка из кабаре, женщина сомнительной репутации и источник неприятностей для мужского населения. А я должна явиться в образе примерной ученицы воскресной школы?

Но Руди был непреклонен. И, что самое удивительное, победил. На встречу Марлен отправилась в элегантном костюме, белых перчатках и сдержанном образе, позволив себе лишь роскошь в виде двух эффектных меховых горжеток. Выглядела она настолько респектабельно, что могла бы спокойно продавать страховые полисы. Вернулась домой Марлен уже через несколько часов. Злая, очень злая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.